

**Валькирии
Женщины в мире
ВИКИНГОВ**

Фриксдоттир Йоханна Катрин

История и наука Рунета

Йоханна Катрин Фриксдоттир

**Валькирия. Женщина
в мире викингов**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 398.22
ББК 82.3

Фриксдоттир Й.

Валькирия. Женщина в мире викингов / Й. Фриксдоттир —
«Издательство АСТ», 2020 — (История и наука Рунета)

ISBN 978-5-17-144736-6

Валькирии... Загадочные существа скандинавской культуры. Мифы викингов о них пытаются возвысить трагедию войны — сделать боль и страдание героическими подвигами. Переплетение реалий земного и загробного мира, древние легенды, сила духа прекрасных воительниц и их личные истории не одно столетие заставляют ученых задуматься о том, кто же такие валькирии и существовали они на самом деле? Опираясь на новейшие исторические, археологические свидетельства и древние захватывающие тексты, автор пытается примирить легенды о чудовищных матерях и ужасающих девах-воительницах с повседневной жизнью этих женщин, показывая их в детские, юные, зрелые годы и на пороге смерти. Джоанна Катрин Фридриксдоттир училась в университетах Рейкьявика и Брайтона, прежде чем получить докторскую степень по средневековой литературе в Оксфордском университете в 2010 году. Затем проходила научно-исследовательскую стажировку в Гарвардском университете. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 398.22

ББК 82.3

ISBN 978-5-17-144736-6

© Фриксдоттир Й., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	9
«Валькириям выбирать, кто в сече погибнет»	9
Внушающая трепет Фрейя	13
Женщины в эпоху викингов	17
Рукописи, захоронения и камни	20
Глава 1. Младенчество и детство	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Йоханна Катрин Фридриксдоттир Валькирии. Женщины в мире викингов

© Jóhanna Katrín Friðriksdóttir, 2020

© А.В. Быковский, перевод 2022

© Издательство АСТ, 2022

Благодарности

К тому моменту, когда я начала работать над этой книгой о женщинах-викингах осенью 2017 года, мой муж Андерс Винрот уговаривал меня сделать это уже несколько лет. Чтобы я согласилась, понадобилось много времени и настойчивые убеждения, но, разумеется, он был совершенно прав в том, что работа над этим проектом принесет мне массу удовольствия. Поэтому в первую очередь я хочу от всего сердца поблагодарить его за помощь, которую он оказывал мне на протяжении многих лет, а также за терпение, великодушные и любовь, с которыми он всячески поддерживал меня, пока я занималась исследованиями и писала эту книгу. Еще один человек, который сыграл важную роль в этом проекте, – Кэролайн Ларрингтон, мой давний наставник и друг. Когда я сказала ей, что подумываю написать книгу о женщинах-викингах, она сразу же предложила структурировать повествование в соответствии с этапами жизни героинь и начать с «Песни валькирий». Я благодарна ей за неисчерпаемый запас знаний, мудрости, доброты и юмора, которыми она щедро делилась со мной. Кроме того, я чрезвычайно признательна Джону Дэвису, который часто составлял мне компанию и веселил меня за обедом, когда я работала в Британской библиотеке. А также им обоим за радушное гостеприимство на протяжении многих лет, особенно летом 2018 года. Я благодарна моим родителям, Кристин Бьёрнсдоттир и Фридрику Мар Бальдурссону, а также моим друзьям и коллегам, среди которых – Гудрун Ингольфсдоттир, Хелен Брукман, Меррилл Каплан, Дейл Кедвардс, Эмили Летбридж, Лукас Рёсли и Аса Сигурьонсдоттир. Пока я писала эту книгу, все они дарили мне свой безграничный энтузиазм, обсуждали со мной научные вопросы и во всем поддерживали меня. Моя свекровь Ева Винрот и пасынки Эльза и Хьялмар терпеливо мирились с моим исчезновением в мире женщин-викингов, а также моими бесконечными разговорами на эту тему. Я благодарю их за юмор и теплоту.

Эта книга основана на большом количестве исследований из разных областей, так или иначе связанных с историей эпохи викингов и Средневековья. Я благодарна всем тем, кто помогал мне, присылая свои работы или рекомендации для чтения, когда я пыталась углубиться в новые для себя темы. Отдельное спасибо всем, с кем я общалась в Twitter, за их искренний интерес к культуре викингов и готовность делиться своими знаниями и мнениями. Во время преподавания в Йельском университете мне посчастливилось познакомиться с замечательными студентами, чьи проницательные наблюдения и вопросы часто служили мне источником новых идей. Кроме того, они сделали мою жизнь богаче во многих других отношениях. Я глубоко признательна актрисе Эш Тайер за наши вдохновляющие беседы об эпохе викингов, а также за то, что она позволила мне внести свой скромный вклад в работу над ее фильмом «Женщины викинги: плачущие кости» (*Viking Women: The Crying Bones*), что помогло мне лучше продумать отдельные аспекты данной книги. Раннвейг Торхалльсдоттир и Лешек Гардела терпеливо отвечали на мои вопросы по археологии. Кроме того, Лешек разрешил мне прочитать его работу перед публикацией. Кристель Зилмер и Маркус Смит помогли мне в том, что касалось рунических надписей. Я особенно благодарна профессору Джудит Йеш, автору основополагающей и новаторской книги «Женщины в эпоху викингов» (*Women in the Viking Age*) и многих других публикаций. Ее обширные исследования – один из столпов, на которые опирается и моя собственная работа. Когда я с трепетом сообщила ей, что собираюсь заниматься этим проектом, она выразила полное одобрение и поддержку.

Тихиро Л. Цукамото любезно согласилась прочитать черновой вариант всей книги и внесла множество предложений по ее улучшению. Я благодарю ее за этот вклад, а также за наши оживленные обсуждения скандинавских источников, которые мы вели последние пару лет. Эти разговоры во многом обогатили мое понимание предмета. Перед публикацией книгу также прочитали Андерс Винрот и два рецензента, которые предпочли остаться неназванными.

Я крайне благодарна им за отзывы и ценные советы. Все ошибки, которые могли закрасться в этот текст, остаются целиком на моей совести. Я также хочу поблагодарить Алекса Райта, который согласился опубликовать эту книгу, за его энтузиазм и проницательность; Джоанну Годфри – за скрупулезную и вдумчивую редактуру; Оливию Деллоу – за необыкновенную заботу о проекте на всех этапах его подготовки.

Я выражаю огромную благодарность Эш Тайер и Мирославу Кужме за то, что позволили мне перепечатать их работы, Оле Харальду Флотену из проекта *Oseberg Vikingarv* за его фотографию Осебергской ладьи и Лешеку Гарделе за его фотографию камня на острове Мэн. Я также признательна всем музеям, а также фотографам, некоторые из которых предпочли сохранить анонимность, за то, что они позволили бесплатно выложить снимки онлайн для всеобщего использования. Я хочу поблагодарить руководство Йельского университета за предоставленный мне грант на оплату дополнительных изображений, а также сотрудников Мемориальной библиотеки Стерлинга, Британской библиотеки и Бодлианской библиотеки в Оксфорде за то, что подарили мне возможность воспользоваться их архивами и провести необходимые исследования. Эта книга была написана при финансовой поддержке Ассоциации авторов научно-публицистической и образовательной литературы Исландии *Naðfenkir*, руководству которой я выражаю особую благодарность за выделенные мне средства.

Предисловие

*«Мы ткем, мы ткем
стяг боевой;
Рвутся вперед
Смелые войны.
Конунга жизнь
мы защитим, —
нам выбирать,
кто в сече погибнет»¹.*

«Валькириям выбирать, кто в сече погибнет»

В Страстную пятницу, 23 апреля 1014 года, близ Дублина произошла битва при Клонтарфе. В кровавой бойне, унесшей тысячи жизней, войска верховного короля Ирландии Брайана Бору успешно противостояли армии из его же соотечественников и их союзников-скандинавов. На тот момент последние присутствовали на территории Ирландии и Британских островов уже более двух столетий: они приплывали с севера на своих быстрых ладьях, селились на новых землях, торговали, вступали в брак и заключали военные союзы. Кроме того, не оставляли викинги и снискавших им дурную славу набегов: они разграбляли храмы, убивали людей или забирали их в рабство, повсюду сея ужас своей кровожадностью. Битва при Клонтарфе описана как в ирландских письменных источниках, так и в знаменитой исландской «Саге о Ньяле»: женщины ткут стяг, окропляют его кровью и делят на части. Это валькирии. Они садятся на коней и скачут – одни на север, другие на юг. Совсем скоро от них не останется и следа. Видимо, они уже достигли поля битвы при Клонтарфе, чтобы подобрать там мертвых воинов и отнести их в Сессрумнил или Вальгаллу – обиталища Фрейи и Одина, где и пристало, согласно мифам, находиться викингам, почившим в бою. В загробной жизни им предстоит сражаться днем и пировать по ночам до наступления Рагнарёка – великого сражения, которому суждено привести к гибели богов. Викингам надлежит выступать на стороне последних, сражаясь с полчищем великанов (йотунов), которые маршируют на Асгард. Великаны – извечные враги богов (асов и ванов), что не мешает им вступать в постоянные сексуальные контакты друг с другом.

«Песнь валькирий» – одна из самых мрачных поэм скандинавской литературы. Образы этих кровавых существ во многом отличаются от тех, что мы привыкли встречать в популярной культуре. Мы также знаем о них из «Младшей Эдды», справочника по скандинавской мифологии и поэтике, написанного в начале XIII века исландцем Снорри Стурлусоном. В этом источнике они рассматриваются с типично мужской точки зрения: это просто девы, которые подносят мед убитым воинам. Само слово *valkyrie* состоит из двух корней: *valr* («мертвый воин») и *kjósa* («выбирать», в прошедшем времени – *kuru*). Получается, что валькирии – это те, кто выбирают павших. Женское окончание, которое мы встречаем во всех без исключения источниках, также подразумевает, что валькирии – это только женщины. Согласно Снорри, на поля брани их посылает Один. Именно для него валькирии должны отобрать самых лучших воинов – эйхнериев (*einherjar*), которым во время Рагнарёка предстоит сражаться бок о бок с богами. В «Младшей Эдде» валькирии не имеют собственной воли, они лишь послушно исполняют то,

¹ Песнь валькирий. / Пер. А. И. Корсуна.

что им приказывает Один². Исходя из тех сведений, которые дает нам Снорри, мы можем предполагать, что для викингов перспектива умереть и перенестись при помощи прекрасных дев в места, где их ждут нескончаемые пиры, представлялась не самым худшим способом окончить свое земное существование.

Снорри знакомит нас с валькириями в довольно лаконичной и бесстрастной манере, в то время как другие источники более выразительно говорят об их грации и привлекательности. В поэме IX века «Речи Ворона» рассказывается о великих победах одного скандинавского короля. Написана она в форме диалога между вороном и прекрасной валькирией, к которой светлые волосы и светлая кожа, а ее способность понимать речь птиц придает ей некоторое магическое очарование³. В эддических поэмах, состоящих из простых, но вместе с тем глубоких поэтических текстов, в которых рассматриваются отдельные сюжеты древнескандинавских мифов и легенд, валькирии уже гораздо больше похожи на людей и обладают собственным разумом, а не являются лишь слепыми проводниками воли Одина. Порой это приводит к печальным последствиям. К примеру, валькирия Сигдрива позволяет своему возлюбленному одержать победу вопреки наказам Одина. В результате рассерженный бог наказывает ее, лишая волшебных способностей и свободы, к тому же обрекая на брак (обычно у валькирий не было мужей)⁴. В легендарной прозаической «Саге о Вэльсунгах» Сигдрива, переставшая быть валькирией, зовется именем Брюнхильд. Она угодила в настоящий любовный четырехугольник, участниками которого стали ее будущий муж Гуннар, победитель дракона Сигурд и его жена Гудрун. Сага посвящена темам ревности и любви, а поэтому Брюнхильд больше не носит оружие, зато она на время приобретает прежние черты валькирии, когда безжалостно приказывает своему мужу убить обманувшего ее Сигурда.

В «Песне валькирий» героини ткут свое кровавое полотнище, подбивая его мечами. Получается, что для типично женского ремесла они используют оружие, которое мужчины используют для убийства. Сама поэма, как и этот стяг, кажется, пропитана кровью: ее столько, что она проливается на пол красным ливнем. Во время битвы «копья в крови» и «кровь на щитах», а когда сражение окончено, багровеет и само поле боя. Эти параллели между ткацким ремеслом и убийством проходят красной нитью через всю поэму:

«Выйдем вперед,
Ринемся в бой,
Где наши друзья
Удары наносят! <...>
Конунгу вслед
Пора нам скакать!
Гёндуль и Гунн
За ним помчались,
Кровь на щитах
Увидят они. <...>
Нам [валькириям] выбирать,
Кто в сече погибнет»⁵.

Валькирии сравнивают стрелы с колками в своих руках, и мы понимаем, что они ткут стяг ровно в то время, когда воины бьются насмерть. Более того, один процесс служит как бы

² Снорри Стурлусон. Младшая Эдда.

³ Poetry from the Kings' Sagas 1, 94.

⁴ Речи Сигдривы. / Пер. Т. Михалевой.

⁵ Песнь валькирий.

наглядной иллюстрацией другого⁶. В параллельной реальности валькирии находятся в самой гуще сражения и решают, кому из викингов суждено погибнуть.

Упомянутые в поэме Гунн и Гёндюль – это две валькирии, чьи имена хорошо известны в скандинавской поэзии. В эддической поэме «Прорицание вёльвы» Гёндюль (ее имя также используется как метафора битвы), называется наряду с Хильд, Скёгуль и Гунн. Из «Речей Гримнира» мы узнаем о валькириях, которых зовут Христ, Мист и Хлёкк⁷. Поэты-скальды в своих стихах тоже нередко упоминают валькирий: их образы прочно ассоциируются с оружием, ужасом войны, кровью и трупами. О гостеприимных девах, которых нам описывал Снорри, в поэзии ничего не говорится. В этом поэты солидарны с «Песнью валькирий» – главная задача этих существ заключается в то, чтобы выбрать тех, кому суждено умереть⁸.

Поэзия скальдов, большая часть которой включена в тексты саг, повествующих о событиях древнескандинавской истории, была призвана сохранять воспоминания о наиболее выдающихся сражениях, описывать разные типы вооружения викингов и их быстроходные ладьи, а также восхвалять правителей-конунгов. Роль восхищенных соглядатаев в этой традиции как раз и отводилась женщинам, в то время как сами викинги шли в бой, судя по сочинениям скальдов, преимущественно мужской компании. Чтобы как-то разнообразить этот довольно узкий круг тем, скальды использовали так называемые кеннинги – устойчивые метафоры. Валькирии часто упоминаются при описании «лязга» сражений, когда грохочет оружие, или при сравнениях с погодными явлениями («град стрел», «буря щитов»). В поэтическом языке находит отражение и тот факт, что хоть такого рода «лязг» или «буря» и являются результатом вполне человеческой активности, вызывают их все же валькирии и Один. Хищный характер валькирий скальды подчеркивают такими кеннингами, как «ран богиня», или даже более выпренно: «жажда иссякших вен»⁹. Один исландский поэт конца X века, описывая морское сражение, назвал это событие «приговором Гёндюль»¹⁰. Столкновение двух войск он сравнил тяжбой, которую ведут обе стороны, а победу в конечном итоге присуждает верховный судья – валькирия. В поэме X века «Речи Хакона», которая была написана на смерть норвежского короля Хакона I «Доброго» Харальдсона (ок. 961), тяжелораненый конунг говорит валькирии:

«Неправо ты сечу
Судила, Скёгуль!
Мы ль не достойны
Победы в битве?»
На это Скёгуль ему отвечает:
«Но мы за тобой
Оставили поле.
И враг твой повержен»¹¹.

Бесстрастный ответ валькирии не выражает ни сожаления, ни сочувствия умирающему конунгу. Какие бы образы ни использовали скальды, кеннинги наделяют валькирий властью над жизнью каждого воина, а их решения определяют исход битвы.

Для отправления их кровавого ремесла валькириям нужны соответствующие инструменты, поэтому их образ тесно связан с темой оружия. Один из кеннингов мяча – «пламя Скё-

⁶ Poole, Viking Poems on War and Peace, 141.

⁷ Прорицание вёльвы. / Пер. А. И. Корсуна; Речи Гримнира. / Пер. А. И. Корсуна.

⁸ Речи Гримнира. / Пер. А. И. Корсуна/

⁹ <http://skaldic.abdn.ac.uk/>; Драпа о Рагнаре.

¹⁰ Poetry from the Kings' Sagas 1, 347.

¹¹ Речи Хакона. / Пер. О. А. Смирницкой.

гуль», а «метель Мист» – это образное описание града стрел, которые падают с неба. Этот же прием работает и наоборот. Кеннинги валькирий могут звучать так: «дева меча» или «богиня копий». Это значит, что, по крайней мере, на метафорическом уровне признается: валькирии – это девы, владеющие оружием. В скальдической поэзии валькирии рисуются сильными и жестокими, но при этом хладнокровными существами, лишенными всякой индивидуальности, которые безжалостно уничтожают свою цель. Для образа валькирий ключевыми атрибутами являются именно стрелы и копья. Стрела, метко пущенная в конкретного воина, это, по сути, и есть тот «выбор», который они совершают. Можно даже сказать, что в некотором смысле образы стрел и валькирий синонимичны¹². В этом контексте любую «случайную» смерть на поле боя можно объяснить сознательным решением сверхъестественного существа, которое послано Одином забрать павшего воина. К тому же не стоит забывать, что неизменным атрибутом самого Одина является волшебное копьё Гунгнир.

Образ валькирий идеально подходит для того, чтобы убеждать воинов, конунгов и простых отцов жертвовать своими жизнями, а также жизнями своих слуг и соратников, своих родных и близких, ведь после смерти о них будет кому позаботиться. Миф о валькириях возвышает представления о войне, он смягчает неприглядность потерь и искалеченных судеб за счет обещаний посмертной славы и благополучия. Смерть не напрасна, а предрешена волей высших существ.

¹² Куинн отмечает, что в трактате XIII века о поэзии Олав «Белый скальд» Тордарсон утверждает, что кеннинги (метафоры) «валькирия» или «великанша щита» относятся к топору. Это значит, что оружие метафорически сравнивается с валькирией; *The Wind of the Giantess*, 224.

Внушающая трепет Фрейя

Способность валькирий летать не только навевает образ взрезающих небесную гладь орудий, но и роднит их с птицами. Одни скачут по небу на лошадях, оставаясь в человеческом облике (при этом, согласно поэтическим источникам, они могут общаться с птицами совсем как Один, которому о происходящем в мире сообщают два ворона). Другие же сами превращаются в птиц. В эддической поэме «Песнь о Вёлунде» (*Völundarkviða*) упоминаются три таинственные валькирии, пряжущие лен на берегу озера. Подобно Одину, способному принимать облик орла, эти девы имеют лебединые черты, позволяющие им летать¹³. Когда им становится скучно находиться в одном и том же месте, они просто скользят по воздуху к месту следующего сражения, чтобы подобрать там мертвых воинов. Подвижность и независимость – главные черты этих энергичных существ и многих других женских персонажей (как реальных, так и воображаемых), с которыми мы столкнемся на страницах этой книги. Ярче всего они находят выражение в мифах о Фрейе, наиболее узнаваемой богине скандинавского пантеона.

Самый известный текст, в котором фигурирует Фрейя, – это, пожалуй, мифическая поэма «Песнь о Трюме» (*Þrymskviða*). В ней рассказывается о том, как ужасный великан (йотун) Трюм выкрал молот Тора и требует Фрейю себе в жены в качестве выкупа. Когда Фрейе сообщают о воле асов (богов) – те согласны выдать ее за йотуна, лишь бы избавиться от неприятностей – она категорически отвергает эту возможность. При этом она так возмущена, что фыркает от ярости, в результате чего ее знаменитое ожерелье Брисингамен спадает с ее шеи, а богам не остается ничего другого, кроме как покинуть покой Фрейи несолоно хлебавши. (Остальная часть поэмы посвящена похождениям пытающихся вернуть молот Тора и Локи, переодетых во Фрейю и ее служанку.) В «Младшей Эдде» Снорри фигура Фрейи находится в тени: она выступает героиней короткого мифа о грубом великане Хрунгнуре, который посещает асов в их обители, Асгарде, и требует по отношению к себе гостеприимства. В отсутствии сильнейшего (Тора) остальные боги не в состоянии ни дать отпор стремительно пьянеющему гиганту, ни даже приблизиться к нему. На это осмеливается лишь Фрейя. Она готова прислуживать Хрунгнуре за столом и подносить ему кубки, то есть выполнять роль, которая в иконографии традиционно отводится знатным женщинам (см. главу 3). Тем самым Фрейя сглаживает ситуацию и оттягивает время до того момента, когда Тор вернется и прогонит йотуна с помощью своего молота Мьёльнира. В этом мифе Фрейя предстает довольно впечатляющей фигурой. Кроме того, Снорри цитирует строфу из эддической поэмы «Речи Гримнира» (*Grímnismál*), в которой говорится, что Фрейя «поровну воинов, в битвах погибших, с Одним делит»¹⁴. Если это утверждение и вправду отражает верования эпохи викингов, Фрейя заслуживает место на «пьедестале почета» наравне с Одним. Казалось бы, это явный звоночек, вслед за которым должна последовать дискуссия о роли богини в посмертной жизни воинов. Но по какой-то причине Снорри отказывается углубляться в вопрос, и краткая отсылка является единственным прямым указанием на эту роль Фрейи во всей «Младшей Эдде». Мы не знаем, хотел ли рассказчик преуменьшить значимость того, что Фрейя приписала себе половину убитых, или ему не доставало дополнительной информации. Но, если основываться на этих эпизодах, остается смутное ощущение, что Фрейя могла играть более заметную роль в скандинавской системе языческих верований, – в том числе, в некоторых ее версиях – чем та, что может быть почерпнута из «Эдды» Снорри.

¹³ Песнь о Вёлунде. / Пер. А. И. Корсуна. Прозаическое вступление определяет девушек как валькирий, но это могло быть добавлением писца; Saga о Вэльсунгах. / Пер. Б. И. Ярхо.

¹⁴ Речи Гримнира. / Пер. А. И. Корсуна.

В мифах, о которых мы уже говорили, Фрейя предстает устрашающей и своенравной фигурой. Это вполне соотносится с ее пространной характеристикой, которая дана в мифической поэме «Песнь о Хюндле» (*Hyndluþjóð*). В ней описано, как Фрейя отправляется в дальние края, чтобы обрести мудрость йотунов (совсем как Один во многих других мифах). Снорри либо не знал о существовании этой поэмы, либо предпочел проигнорировать ее. Так же поступил и составитель рукописи, обычно называемой «Королевским кодексом», опять же руководствуясь то ли незнанием, то ли непонятными соображениями. Это уникальный документ, список которого был сделан в Исландии приблизительно в 1270 году. Благодаря ему до нас дошли многие – но не все – мифические и героические поэмы скандинавов. К счастью, текст «Песни о Хюндле» сохранился в другом исландском манускрипте под названием «Книга с Плоского острова» (*Flatexjarbók*). Это внушительный компендиум, написанный в конце XIV века, вобравший в себя увлекательные норвежские саги о правителях-конунгах, короткие сказания или «пряди» (*þættir*) об исландцах, а также легенды, поэмы и хроники (рисунок 1)¹⁵. В «Песне о Хюндле» говорится об Оттаре, молодом человеке с впечатляющей родословной, но о которой он мало что знает. Юноша приносит жертвы Фрейе, чтобы та помогла ему получить наследство, которое у него пытаются увести из-под носа¹⁶. В ответ на молитвы богиня превращает Оттара в вепря. Оседлав его, она отправляется к живущей в пещере провидице Хюндле в надежде получить сведения, которые помогут молодому человеку подтвердить его притязания на наследство. Желанными знаниями обладают только великаны, являющиеся потомками первых жителей Земли. Фрейя пытается развязать Хюндле язык, взывая к ее женской солидарности и называя ту своей сестрой. Поначалу опасливая провидица неохотно вступает в разговор с непрошенными гостями, но ее желание блеснуть знаниями в итоге берет свое: она зачитывает по памяти всю родословную Оттара, а Фрейя и вепрь слушают ее в почтительном молчании. Вдобавок Хюндла произносит пророчество, которое во многом переключается с «Прорицанием вельвы» – поэмой из «Старшей Эдды». Это подтверждает тот факт, что Хюндла обладает эзотерическим знанием. После того как пророчество было высказано, Фрейя просит Хюндлу напоить вепря пивом памяти, чтобы Оттар не забыл услышанное. Это предложение возмущает провидицу. По мере того как два женских персонажа некоторое время ссорятся, последняя часть поэмы переходит в так называемую «сенну» – форму рифмованной перебранки, которая может легко привести к обмену преувеличенно грубыми оскорблениями. Когда Хюндла недвусмысленно обвиняет богиню в распутстве (обычное для любого патриархального общества оскорбление женщины, нередко используемое и в адрес богинь), Фрейя понимает, что пора уходить. Она победоносно покидает пещеру верхом на вепре, получив искомые знания.

Несмотря на то, что Фрейю называют распутной в «Песни о Хюндле» и другой мифологической поэме «Перебранка Локи» (*Lokasenna*), эти заявления скорее представляются риторическим приемом, чем реальными обвинениями¹⁷. Во всем мифологическом корпусе нет сюжетов, содержащих сцен секса с участием Фрейи. Единственным исключением является «Прядь о Сёрли» (*Sörlla þáttir*), входящая в «Книгу с Плоского острова». В ней говорится о том, что Фрейя провела несколько ночей с четырьмя карликами в обмен на ожерелье Брисингамен. Хотя само сказание бесспорно восходит к древним источникам, свою окончательную трактовку оно получило под явным контекстуальным влиянием XIV века. В тексте поведение Фрейи характеризуется такими качествами, как жадность и похоть, что соответствует женоненавистническим традициям церковных и литературных практик эпохи¹⁸. Подобное отношение нередко встре-

¹⁵ Reykjavík, The Árni Magnússon Institute for Icelandic Studies, GKS 1005 fol.

¹⁶ Песнь о Хюндле. / Пер. А. И. Корсуна.

¹⁷ Перебранка Локи. / Пер. А. И. Корсуна; Vésteinn Ólason, introduction to *Hárbarðsljóð*, in *Eddukvæði*, 1:205.

¹⁸ Jóhanna Katrín Friðriksdóttir, *Women in Old Norse Literature*, 67–9, 112.

чается в романах того времени, которые могли оказать влияние и на того, кто придавал законченный вид «Пряди о Сёрли». Фактически Фрейе чаще вменяют в вину безбрачный характер ее связей, чем само их наличие. Образ могущественной, хотя и своевольной богини, который мы видим в «Песни о Хюндле», или смелая и всемогущая фигура, какой она предстает в «Младшей Эдде» Снорри, не вяжутся со словами о распутстве. Это клевета, породившая распространенное клише о том, что Фрейя – богиня плодородия. В «Песни о Хюндле» Фрейя производит впечатление существа корыстного и лицемерного, но точно такими же красками рисуется и Один, особенно в тех мифах, где он обкрадывает йотунов и предает их. Фрейя с готовностью использует Хюндлу, чтобы получить нужную ей информацию, но делает она это ради того, кто преданно в нее верит, в то время как Один движим исключительно неустанными поисками сведений о будущем. Можно сказать, что словесная агрессия и мелкие обвинения Хюндлы в адрес Фрейи принижают изначально достойный образ богини. С другой стороны, согласно литературным источникам, скандинавская система личной чести во многом основана на том, чтобы не уронить в грязь лицом в ситуации перебранки, подразумеваемой сеньной. Поэтому в оскорблениях, на которые Хюндла не скупится, нет ничего неожиданного.

Подобные образы Хюндлы и Фрейи типичны для скандинавских рассказчиков, которые изображают своих героев – и женщин, и мужчин – как сложных персонажей: часто достойных, но далеко не совершенных. Независимо от того, насколько герой привлекателен, он в любом случае рассматривается как независимая личность с волевым характером, находящим выражение как в словах, так и в поступках. Итак, как мы можем охарактеризовать отношение викингов к Фрейе, основываясь на всем корпусе мифов? Перед нами вырисовывается уверенная в себе, прагматичная личность, влекомая знаниями, войной и смертью. Ей достается половина павших в битве, она достаточно отважна, чтобы справиться с буйным захватчиком, она отказывается выйти замуж за жениха, которого считает недостойным себя, и является верной богиней-покровительницей для Отгара. Прежде всего, эти характеристики позволяют предполагать, что Фрейя воспринималась – по крайней мере, некоторыми – как фигура благородная, напористая, могущественная и внушающая трепет.

Как мы уже поняли, роковое вмешательство женщин в ход событий, их власть над жизнью и смертью – частый и сквозной мотив скандинавской мифологии. Впоследствии мы увидим, что судьбы вполне земных женщин также были напрямую связаны не только с насилием и смертью, но и с сохранением жизни. Саги повествуют о гордых и жестоких героинях, которые подстрекают мужчин к убийству своих друзей или родственников. Одни женщины служат началом или способствуют продлению опустошительной вражды, рушащей целые семьи. Другие олицетворяют мудрость и сдержанность: сглаживая буйный нрав своих мужей, они не дают искре конфликта разгореться в пожар кровной мести. Свирепые жены конунгов из скандинавских легенд используют своих детей в качестве «разменных монет» в политических играх, а порой и просто убивают собственных отпрысков. Кто-то прибегает к помощи ядов. С другой стороны, богиня Идунн дарит богам молодильные яблоки, которые служат олицетворением жизненной силы. Явно воинственными фигурами являются «девы щита» – молодые незамужние женщины, которые становятся воинами, носят оружие и порой сражаются наравне с мужчинами. При этом беременная женщина или кормящая мать, пытающаяся защитить своего ребенка, может демонстрировать не меньшую жестокость, а верные жены рискуют своим комфортом и даже жизнями, защищая своих мужчин.

В скандинавских сагах и мифах есть истории о войнах и раздорах, о верности и предательстве, об убийствах и мести, о лишениях и успехах. Они охватывают весь спектр человеческих эмоций от ужасных до глубоко проникновенных, нередко сменяющих друг друга в пределах одной страницы. Женщины в этих историях принимают полноценное участие в сражениях за власть или потрясениях, которые охватывают общины и семьи, меняя их к лучшему или к худшему. Источники дают сведения о причинах и последствиях супружеских разногласий,

доходящих до разводов, которые, судя по всему, были разрешены в общинах викингов. При этом известно немало примеров того, как женщины хранят верность своим мужьям. В некоторых сферах женщины жестоко притеснялись по гендерному признаку. В сагах встречаются душераздирающие истории о травмирующем опыте девочек и женщин, который и сегодня заставляет им сопереживать. Настоящая книга познакомит вас с разнообразными и увлекательными текстами, записанными в средневековой Исландии, культура которой позволяла представить женщин исполняющими разнообразные роли не только в этом мире, но и в потустороннем.

Женщины в эпоху викингов

Жизнь в эпоху викингов могла казаться женщинам вполне захватывающей. Начиная с последних десятилетий VIII века, следующие лет триста или около того были временем коренных изменений в Скандинавии и Северной Европе. Влияние технологических достижений, масштабных войн и географических открытий, а также заметных перемещений людских потоков, товаров, идей и ценностей, происходивших в мире без четко очерченных границ, ощутили на себе все без исключения. В этот период власть, то и дело консолидируясь, постоянно переходила из рук в руки. В то время как судьба отдельных земель и королевств сплеталась воедино, постепенное наступление христианства навсегда меняло скандинавский мир¹⁹. Вероятно, кому-то эти процессы могли показаться опасными, но они также несли с собой бесконечные возможности для тех, кто был готов ими воспользоваться.

Само слово «викинг» не ассоциировалось исключительно с грабежами и набегами. Скорее всего, изначально это было вполне нейтральное существительное, описывающее людей, склонных к постоянным перемещениям (тогда это слово не использовалось как глагол, как, например, в современном английском), а также к торговле, путешествиям и освоению новых земель²⁰. По этой причине вполне оправдано его использование для людей обоих полов, которые участвовали если и не во всех из перечисленных занятий, то в большинстве из них. Тяга к путешествиям обуревала не только мужчин: женщины тоже часто выступают в роли переселенцев, причем как с мужьями, так и в одиночку. На заре эпохи викингов отдельными сообществами и племенами руководили вожди (ярлы), а более крупными поселениями – короли (конунги), жизнь которых существенно отличалась от быта простых людей. Усовершенствованная конструкция классической ладьи позволила викингам путешествовать на большие расстояния по Северному и Балтийскому морям, а также по водам Атлантики и Средиземноморья, торгуя, совершая набеги и обустривая новые поселения по мере возможности. Приток новых богатств, сосредоточенных в руках скандинавских ярлов способствовал консолидации территорий. И женщины были неотъемлемой частью этих изменений. Они переселялись в крупные торговые поселения, такие как Рибе и Хедебю (Дания), Бирка и Сигтуна (Швеция), Каупанг (Норвегия), Йорк и Линкольн (Англия) или Дублин (Ирландия). Они сопровождали мужчин в набегах и путешествиях по всей Северной Европе, покупали меха, шкуры и моржовый жир у саамов далеко на севере в Арктике, плавали вдоль побережья Польши и вниз по русским рекам, где скандинавы возможно стали первыми правителями Древней Руси. Кроме того, викинги открывали новые земли и на Западе, которые до этого не были знакомы европейцам, обосновавшись в Исландии и Гренландии. Хоть судьба поселений на территории Северной Америки и была недолгой, мы знаем о том, что женщины там тоже присутствовали.

Несмотря на все эти изменения, образ жизни скандинавов оставался преимущественно сельским, а фундаментальная социальная структура состояла из домашних хозяйств. Люди жили в традиционных «длинных домах», архитектуру и стилистику которых викинги привносили с собой повсюду, где бы они ни поселялись²¹. Будь то в Скандинавии или в колониях викингов, женщины часто отвечали за ведение хозяйства на пару с мужем или в одиночку (если мужчины уезжали или умирали), тем самым беря на себя важную роль в жизни как своего рода, так и всей общины в целом. Но это не означает, что их дни были однообразны и скучны. С ростом спроса на продукты и товары (особенно на ткани) они могли воспользоваться новыми возможностями, чтобы выходить за рамки собственного хозяйства, налаживая деловые и тор-

¹⁹ See, e.g., Winroth, *Conversion of Scandinavia*.

²⁰ Jesch, *Viking Diaspora*, 4–8.

²¹ Eriksen, *Architecture, Society, and Ritual*, 43–7.

говые связи с другими людьми на рынках или сезонных собраниях. Благодаря своей смелости и находчивости многие женщины-викинги могли упрочить как свое материальное положение, так и общественный статус, порой добиваясь даже некоторого политического влияния, действуя либо через мужей, либо самостоятельно. Нам известны примеры того, как женщины, имея авторитет и харизму, становились советниками правителей или даже брали власть в свои руки,

Пол человека является фундаментальной категорией, которая помогала выстраивать структуру общества на протяжении всей истории, но она намного сложнее простой бинарной модели «мужского» и «женского» начал. Одним из факторов, составляющую гендерную идентичность (особенно в отношении женщин), является возраст²². Женщины воспринимались (так часто происходит и сегодня) по-разному в зависимости от того, замужем они или нет, способны ли они к деторождению. В то время как утрата мужа могла как подарить долгожданную свободу, так и поставить под угрозу жизнь вдовы. Литературные источники и анализ захоронений свидетельствуют о том, что порой пожилые женщины удостаивались больших почестей, хоть иногда их и считали колдуньями, причем одно другому не всегда противоречило. Согласно древнескандинавским законам, как замужние женщины, так и вдовы обладали достаточной степенью свободы и относительной безопасностью. Предусмотрительность в отношении детей также говорит о том, что они рассматривались как ценные члены общества. А вот девочки-подростки были существенно ущемлены в правах: в большинстве случаев, касавшихся замужества, они не имели права голоса, а все решения принимали старшие родственники, исходя из собственных интересов. На протяжении книги мы будем подробно обсуждать каждый из этих этапов жизни, чтобы обнажить весь многогранный характер опыта, которым обладали женщины той эпохи.

Социальный статус – еще один важный фактор, под влиянием которого у разных социальных групп, вероятно, доминировали разные гендерные модели. Отдельным женщинам иногда удавалось стать авторитетными и властными фигурами (чаще всего – благодаря своему происхождению или выгодному замужеству), но в общем и целом даже они уступали в правах находящимся у власти мужчинам. Еще сильнее их жизнь отличалась от жизни простых земледельцев, не говоря уже о слугах и рабах, которые, скорее всего, были вынуждены владеть довольно жалкое существование. В рамках такого классового разделения места для всеобщей женской солидарности практически не оставалось. Вне зависимости от возраста и сословия гораздо лучше жилось состоятельным женщинам: наличие движимого имущества или земли во многом определяло, сможет ли она выйти замуж, содержать себя и свою семью. Происхождение и этническая принадлежность также играли свою роль. В те времена ни мужчины, ни женщины, скорее всего, в повседневной жизни не думали о себе как о скандинавах. При этом вполне вероятно, что мысли об этом посещали их во время торговли или заключения смешанных браков с представителями других этнических групп, включая выходцев с Британских островов или саамов, кочевого финно-угорского народа, жившего в эпоху викингов намного южнее Скандинавского полуострова. Изотопный и другие методы анализа показывают, что в Скандинавии наблюдался приток переселенцев, особенно в (прото-)городские поселения: к примеру, в эпоху поздних викингов люди, родившиеся в Швеции, составляли лишь половину населения Сигтуна²³. В других краях и в смешанных поселениях одежда и язык викингов заметно отличали их от других народов. Далее в книге я буду затрагивать эти и другие аспекты по мере необходимости. Сейчас достаточно сказать, что идентичность женщин-викингов была сложной

²² Introduction to Medieval Writings on Secular Women, ed. Van Houts and Skinner.

²³ Krzewińska et al., Genomic and Strontium Isotope Variation, 2730–8.

и неоднородной, развиваясь на протяжении всей жизни отдельной личности, меняясь с течением времени и появлением новых обстоятельств.

Рукописи, захоронения и камни

Немногие письменные источники, созданные самими скандинавами, дошли до наших дней. Преимущественно это довольно краткие надписи на рунических камнях, которыми усыяны живописные пейзажи Швеции и Дании, но заметно реже встречающихся в Норвегии и на Британских островах. Эти резные письмена хранят имена и подробности родственных отношений между людьми, жившими тысячу лет назад. Интерпретируя руны так или иначе, мы можем приблизиться к пониманию того, что викинги думали о себе и своем окружении. Очень часто надписи сопровождают изображения – следы перехода от язычества к христианству. Рунические камни также позволяют нам чуть глубже заглянуть в судьбы женщин, которые адаптировались к этим переменам. Важными источниками информации о жизни викингов служат и современные им европейские тексты, написанные либо торговцами и миссионерами, посещавшими Скандинавию, либо жертвами набегов на континент и Британские острова. Отдельные топонимы дополняют собой этот увлекательный пазл, свидетельствуя о путях распространения языческих культов или доказывая существование поселений викингов за пределами Скандинавии. Камни на острове Готланд и у побережья Швеции, а также гобелены, резные изделия, металлические предметы и крошечные амулеты из золотой фольги – все они украшены изображениями героев и мифических сцен, а их анализ позволяет нам лучше понять представления викингов о смерти и загробной жизни. Кроме того, судя по ним, мы узнаем, какие наряды и прически носили женщины в те далекие времена.

Важным источником наших знаний об эпохе викингов, конечно же, служат и захоронения. Погребальные приношения и прочие находки позволяют предположить, что женщины в ту эпоху имели разные идентичности. Они не были исключительно «хранительницами очага», которые готовили и ухаживали за своими родными, хотя это и входило в круг их обязанностей, в связи с чем их роль часто неточно (и загадочно) описывали как «пассивную». Многие женщины выполняли те же задачи, что и мужчины (и наоборот): они исследовали мир, управляли землями или текстильными мастерскими, работали и торговали. Хотя у нас нет однозначных доказательств существования единовластных правительниц, отдельные наиболее богатые захоронения позволяют предположить, что некоторые женщины успешно занимались политикой и общественными делами. Археология – это обширная область знания, в которой используются разные подходы от исследования находок в лабораториях до обращения к теоретическим основам гуманитарных и социальных наук. Хотя человеческие кости довольно плохо сохраняются в земле, их изотопный и углеродный анализ может многое рассказать о питании людей, а также о том, жили ли они в том же месте, где были захоронены (довольно часто это было совсем не так). Плохое состояние костей может также свидетельствовать о врожденных дефектах, плохом состоянии здоровья или физических травмах, а форма таза и черепа человека может указывать на биологический пол. Изучение архитектуры и материальной культуры, того, как норвежцы организовали свое жизненное пространство, предметы, которые они использовали в своей повседневной работе или брали с собой в могилу, и даже то, что они считали мусором, – все это помогает нам воссоздавать картину их повседневной жизни, разрушать устоявшиеся стереотипы и узнавать, как на самом деле жили женщины, во что верили, как к ним относились окружающие.

В совокупности все эти источники способны многое рассказать нам о викингах, но они не могут отражать все те верования, традиции и ценности, упоминания о которых мы встречаем в законах и литературных произведениях, написанных их потомками. Хотя с течением времени они были во многом изменены и адаптированы, некоторые первоначальные фрагменты этих текстов и трактатов относятся к эпохе викингов. Они требуют к себе особого подхода: лите-

ратуроведы и историки до сих пор ломают головы над тем, как именно средневековые писцы перерабатывали имевшиеся у них материалы. Мы знаем, что одни из описанных в сагах событий, скорее всего, не происходили вовсе, а другие были сильно приукрашены в зависимости от взглядов и убеждений тех, кто переписывал и составлял тексты. Рассказчики часто брали за основу отдельные сюжеты из мифов и легенд, но и их нередко дополняли выдуманными диалогами и персонажами, меняя детали. Очень распространенным литературным приемом было использование пророчеств и предсказаний для нагнетания атмосферы загадочности²⁴. Так что саги во многом являются продуктом своего времени, к тому же их написание с учетом дороговизны материалов было уделом лишь немногих избранных. Авторами саг, бесспорно, могли быть только очень грамотные и начитанные люди. Ученые мужи и писцы, исповедующие христианство, несомненно, испытывали уважение к традициям, но на их текстах сказывались и нормы современной им грамматики, риторические приемы и образы европейской литературы, включая средневековые романсы. Образование и убеждения авторов влияли на то, как и что они писали, заставляя менять текст в соответствии с собственными взглядами, а также со вкусами своего покровителя или аудитории. Некоторые были озабочены сохранением правдоподобия, в то время как другие щедро использовали фольклорные и сверхъестественные мотивы вплоть до фантазийных элементов. Да, саги порой написаны довольно сухим языком и не раскрывают внутренний мир персонажей глубоко, а их кажущаяся объективность обманчива. Но очарование этих текстов сохраняется до сих пор, благодаря ярким женским персонажам, о которых пойдет речь на страницах предлагаемой книги.

Хотя саги и поэмы, из которых мы черпаем свои сведения о скандинавской культуре, во многом сформированы литературной традицией той эпохи, они все же пересказывают истории, уходящие своими корнями в далекую древность. Мы знаем об этом из подтверждающих свидетельств, особенно из сюжетов, сохранившихся в древнеанглийских и средневековых немецких поэмах, которые наследуют той же германской повествовательной традиции. Рунические надписи эпохи викингов – еще один важный вид свидетельств. Например, в эддической поэме XIII века упоминается легендарный персонаж Тидрек, имя которого мы также встречаем на руническом камне Рёк (около 800 г.) в провинции Эстерготланд в Швеции. Таким образом, исландские авторы, писавшие спустя 150 или более лет после окончания эпохи викингов, использовали в своих текстах сюжеты и персонажей, которые являются частью обширной и древней традиции. Это говорит об их непреходящей актуальности, о способности сказать что-то важное про структуру и характер общества (как древнескандинавского, так и средневекового).

Образ мышления людей, выраженный в скандинавских сагах и поэзии, был продуктом общества без государственной иерархии и исполнительной власти: вплоть до 1262 года Исландия была регионом с теми же социальными структурами и методами разрешения конфликтов, что и в эпоху викингов. Как мы увидим дальше, главной «ячейкой общества» в то время была семья, а ее важнейшим активом – честь, которая отстаивалась не только в открытом бою, но и методами усобной вражды и кровной мести. Таким образом, хоть саги и являются литературными произведениями, построенным в соответствии с повествовательными канонами эпохи, это не лишает их жизненности и правдоподобия – качеств, благодаря которым рассказчики обращали внимание читателей на актуальные проблемы и вызывали сильный эмоциональный отклик. Кроме того, правдивость отдельных элементов в сагах можно доказать и другими способами. Унн «Многомудрая» или Гудрид Торбьярнардоттир были бесстрашными первопроходцами, которые осваивали новые земли на западе, обосновывались в Исландии, Гренландии и даже Северной Америке. Это примеры ярких литературных персонажей, но их передвиже-

²⁴ Хотя так называемые классические «Саги об исландцах» традиционно считаются более правдоподобными источниками, я отношусь к ним так же, как и к остальным литературным источникам, включая саги о троллях или «Сага о Барде Асе Снежной Горы», поэтому и использую их в своем анализе.

ния подкрепляются археологическими находками. Даже если этих двух конкретных женщин никогда не существовало, наверняка были те, кто на них походил.

Другими словами, литературные тексты представляют собой непростые источники для работы, но их не следует отбрасывать как чистый художественный вымысел, не заслуживающий нашего внимания. При условии, что мы распознаем, какие элементы саг являются повторяющимися литературными мотивами, а какие могут отражать далекую реальность, письменные источники свидетельствуют о самобытности мировоззрения и образа жизни викингов. У них был несентиментальный, прагматический образ мышления, который во многих случаях может показаться безжалостным по отношению к человеческой жизни, как у валькирий, которые не испытывают сочувствия к воинам и конунгам, неся им смерть. Тот факт, что валькирии и Фрейя – одни из главных женских персонажей в скандинавской мифологической культуре, является следствием того, какой огромный вклад женщины вносили в жизнь общества эпохи викингов благодаря своему труду и мудрости.

Глава 1. Младенчество и детство

*«Около Сванхильд
Сидели рабыни,
Дочь мне была
Детей всех дороже;
Ярко сияла
Сванхильд в палате,
Как солнечный луч
Сияет и блещет!»²⁵*

Эти пронзительные слова, в которых сквозит материнская любовь, произносит Гудрун Гьюкадоттир – женщина, которая на протяжении догого времени была вынуждена переживать одну трагедию за другой. Она принадлежала к знатному роду. Собственная мать навязала ей ужасное замужество, Гудрун теряет трех братьев, двух мужей, дочь и четырех сыновей. Жесткие обстоятельства этих потерь составляют основу вошедших в «Королевский кодекс» эддических «Песен о Гудрун» и прозаической «Саги о Вэльсунгах» (см. предисловие). Но Гудрун не была лишь жертвой событий, некоторые из этих смертей лежат на ее совести. В ней мы видим образ детоубийцы.

Подробности того, как Гудрун Гьюкадоттир пришла к убийству своих детей, складываются в непростую историю: не будучи изначально человеком добрым и мягким, она меняется под воздействием постоянных распрей и убийств, составлявших непрменный атрибут мира, в котором она жила. Первопричина этих изменений уходит своими корнями в далекое прошлое, они – результат жадности и предательства других людей, а не ее собственных. Атли,

²⁵ Подстрекательство Гудрун. / Пер. А. И. Корсуна.

второй муж Гудрун, хотел заполучить золото ее братьев, поэтому заманил их в ловушку и убил. Сами братья до того убили первого мужа Гудрун – победителя дракона Сигурда – опять же из-за золота. Но даже при таких обстоятельствах смерть братьев от рук Атли является для Гудрун тяжелым ударом, который она не может ему простить. Она решается на самый ужасный вариант мести из всех возможных и убивает двух сыновей, которых она родила от него. Один поэт описывает, как мальчики бросаются в объятия матери, когда она подзывает их: сыновья боятся, они чувствуют, что что-то не так, пытаются сопротивляться, но при этом не плачут, когда мать перерезает им горло. Смешивая их кровь с медом, который она подает Атли вместе с приготовленным мясом его сыновей, она тем самым превращает его в каннибала. После этой роковой трапезы Атли начинает беспокоиться за сыновей и спрашивает, куда они ушли, но поправить уже ничего нельзя. Торжествующая Гудрун хвастается перед мужем рассказом о своей мести и тем, как она обращалась с телами сыновей:

«Вышла Гудрун,
Чтоб Атли встретить
С кубком в руках
Золотым, как пристало;
“Конунг, прими
В палатах твоих
От Гудрун зверенышей,
В сумрак ушедших!”
<...>
“С медом ты съел
Сердца сыновей —
Кровавое мясо,
Мечи раздающий!
Перевари теперь
Трупную пищу,
Что съедена с пивом,
И после извергни!”»²⁶.

В этих строках чувствуется отвращение Гудрун Гьюкадоттир, наблюдающей за тем, с какой жадностью и грубостью Атли вгрызается в мясо. Хотя, это чувство может проистекать и из понимания того, что это она превратила мужа в каннибала. Покончив с мезтью за братьев, она умерщвляет Атли, заколов его, а затем поджигает палаты, тем самым положив конец его правлению и всему роду.

Спустя годы, мы снова встречаемся с Гудрун во время третьего замужества и очередной утраты: ее юная дочь Сванхильд, выданная за пожилого ревнивца, несправедливо обвинена в супружеской неверности и казнена своим мужем. Даже эта потеря оставляет Гудрун непреклонной: она посылает двух оставшихся сыновей – Хамдира и Серли – отомстить за сестру. При этом все трое прекрасно понимают, что сыновья не вернутся домой живыми. Как и в предыдущем случае, Хамдир и Серли сопротивляются, пытаются переубедить мать, умоляют ее, но их слова тщетны. Даже перспектива потерять оставшихся в живых детей не способна побороть стальной решимости Гудрун. Мезть для нее важнее, чем жизнь детей.

Такая бескомпромиссность, при которой собственная плоть и кровь приносится в жертву честолюбию, может показаться чем-то странным, отталкивающим и даже ненормальным мно-

²⁶ Гренландская песнь об Атли. / Пер. А. И. Корсуна..

гим современным читателям. Возникает закономерный вопрос, не относились ли викинги к детям как к ресурсу, считая их всего лишь пешками, которыми можно пожертвовать в игре с мстостью. Другие тексты тоже говорят о жестком и черством отношении матерей к детям. В «Саге о людях из Лососьей долины» рассказывается о женщине, обиженной на своего бывшего возлюбленного²⁷. Застав его ранним утром врасплох, забавляющимся с маленькой дочерью, она запросто оставляет ребенка и уходит прочь. В средневековых законах содержатся косвенные, но вполне правдоподобные упоминания случаев детоубийства. Немного преувеличенным кажется рассказ одного испанского путешественника – в X веке он посетил город викингов Хедебю – о том, что его жители бросали в море детей, которых не могли прокормить²⁸. Подобные примеры создают впечатление, что для викингов младенцы и дети были не источником радости, а нелюбимыми созданиями, от которых можно легко избавиться, бросить или убить.

Викинги действительно обладали репутацией жестоких людей, но она сложилась в результате набегов на другие земли, когда насилие совершалось над чужаками, а не над кровными родственниками. Неужели они и вправду были настолько свирепыми, чтобы бросать собственных детей на произвол судьбы или убивать их самыми жестокими способами, какие только можно вообразить, – перерезав горло, утопив или отправив на верную гибель в бою? Неужели викинги не любили своих детей? Коротко можно ответить, что, конечно же, любили. И хотя их представления о нормах воспитания радикально отличались от современных, большинство викингов хорошо относились к своим детям, заботились об их физическом и эмоциональном благополучии как могли. Героический эпос сложно воспринимать как достоверный источник для восстановления исторических событий. Кроме того, надо понимать, что саги не оправдывают и не идеализируют решение принести детей в жертву ради чести семьи или других высоких принципов. Напротив, заглавная героиня эддической поэмы «Подстрекательство Гудрун» (*Guðrúnarhvöt*

²⁷ Сага о людях из Лососьей долины. / Перевод В. Г. Адмони и Т. И. Сильман. Перевод стихов А. И. Корсуна; Jochens, Old Norse Motherhood, 202.

²⁸ 'Ibrāhīm ibn Ya'ūb on Northern Europe', in Ibn Fadlan and the Land of Darkness, 163.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.